

Императоръ Александръ и Великая Княгиня Екатерина Павловна.

(Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной).

Мы уже знакомы съ выдающимся, по своему историческому значенію, письмомъ Императора Александра къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, писаннымъ въ самый разгаръ событій 1812 года, въ которомъ Императоръ объясняетъ сестрѣ побужденія, коими онъ руководствовался, принимая то или иное рѣшеніе и старается оправдать въ ея глазахъ свои поступки ¹⁾).

Изъ этого письма, а равно изъ отвѣта на него Великой Княгини, мы видимъ, насколько августѣйшій братъ и сестра дорожили существовавшими между ними дружескими отношеніями; всякій разъ, какъ между ними возникалъ хотя малѣйшій поводъ къ недоразумѣнію или когда являлось опасеніе, что какая-нибудь мысль, высказанная въ письмѣ, или отдѣльныя его выраженія могли быть невѣрно поняты и истолкованы, они тотчасъ старались выяснить недоразумѣніе, чтобы отъ сказаннаго не осталось въ душѣ ни малѣйшаго осадка. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

„Ваша личная честь, писала Екатерина Павловна Императору, отвѣчая на вышеупомянутое письмо отъ 13 декабря 1812 года, была всегда безупречна въ моихъ глазахъ, иначе могла ли бы я любить Васъ? Впрочемъ, ничто въ моихъ письмахъ, кажется, не давало Вамъ права усомниться въ этомъ. Когда я говорила „сна-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

сите свою честь“, это означало: приѣзжайте во внутреннія губерніи Имперіи, ибо столица еще не есть государство; появитесь въ арміи, чтобы поднять ея упавшій духъ. Въ Москвѣ Васъ ждали съ нетерпѣніемъ; тамъ всѣ страстно желали Вашего приѣзда; я увѣрена, и это убѣжденіе раздѣляется всѣми, что будь Вы въ Москвѣ, она была бы въ нашихъ рукахъ“.

„Что касается тѣхъ предостереженій, которыя были сдѣланы Вамъ весною (относительно происковъ Наполеона), то несомнѣнно, что Наполеонъ всегда дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное, чтобы повредить намъ..., а что касается его желанія поселить раздоръ въ нашей семьѣ, то, хорошо зная личности, можно сказать навѣрно, что его планъ, если таковой вообще существовалъ, не могъ бы осуществиться: Вашъ братъ слишкомъ искренно Вамъ преданъ, чтобы онъ могъ быть для Васъ опасенъ; что касается меня, то я считаю ниже своего достоинства отвѣчать на это... тотъ, кто вздумалъ бы изобразить мнѣ Васъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, разглагольствовалъ бы не долго“...

Въ этихъ строкахъ вылилась вся пылкая душа Великой Княгини, которая своей горячей любовью къ брату, своимъ всегдашнимъ стремленіемъ идти навстрѣчу всему, что занимало или тревожило его въ извѣстный моментъ, сумѣла приобрѣсти на Александра такое вліяніе и такъ сумѣла привязать его къ себѣ, что когда ему случалось долго быть съ нею въ разлукѣ, онъ начиналъ тосковать, жаловаться на то, что онъ одинокъ, что отсутствіе Великой Княгини ему тягостно, потому что онъ чувствуетъ потребность говорить съ нею о вопросахъ, которые его волнуютъ (*des questions qui me troublent*).

„Я ожидаю съ несказаннымъ нетерпѣніемъ той минуты, когда я буду съ Вами, пишетъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ ¹⁾, мнѣ такъ о многомъ хотѣлось бы поговорить съ Вами, но это можно сдѣлать только устно“.

Послѣдняя фраза не случайная и сказана не спроста; Александръ, — а это весьма характерно въ устахъ монарха — не довѣрялъ своей почтѣ, онъ не былъ увѣренъ, что тайна его корреспонденціи будетъ соблюдена; поэтому, если письмо посылалось почтою, то обо всѣхъ болѣе или менѣе интимныхъ, щекотливыхъ или важныхъ государственныхъ вопросахъ онъ писалъ только намеками, о чемъ, конечно, можно только пожалѣть, ибо въ противномъ случаѣ ихъ высоко интересная переписка приобрѣла бы еще большее значеніе.

¹⁾ Письмо отъ 26 декабря 1810 г.

„Осторожность въ перепискѣ доводилась Александромъ до крайнихъ предѣловъ. Такъ напр. въ одномъ письмѣ ¹⁾ онъ предостерегаетъ Екатерину Павловну о томъ, чтобы она не распространялась о мартинистахъ. „Бога ради не пишите никогда по почтѣ ни о чемъ важномъ, въ особенности — ни слова о мартинистахъ ²⁾. Зато въ письмахъ, посылаемыхъ съ фельдъегерями, пишите съ полной откровенностью. Я буду держаться того же правила“.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее Императора быть осторожнымъ и сдержаннымъ въ своихъ письмахъ; вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна не уважала тайны его корреспонденціи, она требовала, чтобы дочь давала ей для прочтенія всѣ письма Императора.

„Вамъ извѣстно любопытство матушки, пишетъ Екатерина Павловна; я получила Ваше письмо у нея въ комнатѣ. Она дала мнѣ прочесть свое письмо, и мнѣ пришлось сдѣлать то же; она уважаетъ только тайну переписки Георга, его писемъ она не рѣшается просить у меня; этого нельзя сказать о Вашихъ письмахъ, которыя, какъ мнѣ было заявлено, *всегда желаютъ видѣть*“.

„Я такъ и зналъ, отвѣчаетъ Александръ I, что захотятъ сунуть носъ въ мои письма; поэтому я еще до полученія Вашего письма приказалъ моему лакею передавать Вамъ мои письма, когда Вы будете однѣ“.

„Будьте осторожны, когда Вы будете писать мнѣ“, пишетъ Великая Княгиня изъ Царскаго Села 8 января 1813 г., „ибо хотятъ взаимности, мнѣ же показываютъ всѣ Ваши письма. Какъ отвратительно обманывать!“

Несмотря на эти стѣсненія, мѣшавшія иногда Императору высказаться откровенно, тонъ и содержаніе его писемъ свидѣлствуютъ, что сестра пользовалась его полнымъ довѣріемъ. Объ этомъ говоритъ между прочимъ и то обстоятельство, что въ ихъ перепискѣ нерѣдко встрѣчается упоминаніе о второй семьѣ Александра („*ma petite famille*“). Великая Княгиня освѣдомляется о матери, посылаетъ ей привѣтствіе, посылаетъ дѣтямъ разныя бездѣлки... и государь тронуть этимъ вниманіемъ, и ласкою къ матери и дѣтямъ, благодарить за это сестру; а надобно замѣтить, что никому другому онъ не разрѣшалъ даже намека на его отношенія къ М. А. Нарышкиной.

„Конечно, трудно сказать, замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь Николай Михайловичъ, была ли Великая Княгиня вполнѣ безпристрастна и чистосердечна, когда ласкала возлюбленную

¹⁾ Письмо отъ 18 декабря 1811 г.

²⁾ Письмо отъ 20 декабря 1812 г.

своего брата“, но этимъ она несомнѣнно приобрѣла лишнее право на его расположеніе.

„Онъ довѣрялъ ей гораздо больше, чѣмъ своей супругѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая по свойствамъ своего характера не умѣла вселить въ него того вдохновенія, той искры, которыя были необходимы для воздѣйствія на впечатлительную душу Александра Павловича.

„Елисавета Алексѣевна и Екатерина Павловна никогда не были дружны между собою. Достоинно вниманія, что ни въ письмахъ Александра, ни въ письмахъ Великой Княгини никогда не упоминается имени Елисаветы“.

Пылкая, впечатлительная, увлекающаяся, подъ часъ несдержанная Екатерина Павловна не могла найти отклика въ душѣ холодной и разсудительной Елисаветы Алексѣевны; а горячее расположеніе, которое оказывалъ ей Александръ Павловичъ, и ихъ постоянное дружеское общеніе безъ сомнѣнія могли вызвать въ душѣ Императрицы чувство затаенной ревности, и это отразилось на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Когда Екатерина Павловна, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой супружеской жизни, потеряла, въ исходѣ декабря 1812 г., своего мужа, Елисавета Алексѣевна выказала мало участія къ ея горю, и это поселило между ними еще бѣльшее охлажденіе.

Нижеслѣдующія строки изъ письма Елисаветы Алексѣевны къ матери, маркграфинѣ, въ коемъ она говоритъ о кончинѣ супруга Великой Княгини, герцога Георга Ольденбургскаго, не оставляютъ сомнѣнія на счетъ ея истинныхъ чувствъ по отношенію къ овдовѣвшей Великой Княгинѣ.

„Едва оправившись отъ родовъ, пишетъ Императрица, она не давала Императору покоя, просьбами послать ея мужа въ армію. Такъ какъ въ арміи не было въ то время ни Императора, ни Великаго Князя Константина, то единственной ея цѣлью могло быть имѣть тамъ агента, который доводилъ бы до ея свѣдѣнія все происходящее. Она пріѣхала въ Петербургъ, чтобы интриговать у Императора. *При ея безпокойномъ честолюбіи, у нея не достаетъ хитрости*; въ этомъ случаѣ ея планы бросились въ глаза даже ея матери, которая сказала однажды:

„Въ ея власти самыя великолѣпныя губерніи Россіи, а она все недовольна. Я не знаю, чего хочетъ Като?“ Ее попросили однако оставаться спокойно въ Ярославль ¹⁾, и принцу Георгу не пришлось

¹⁾ „Дамамъ не мѣсто въ арміи“, писалъ Александръ Екатеринѣ Павловнѣ 6 декабря 1812 г., въ отвѣтъ на ея просьбу; „это послужило бы прецедентомъ для другихъ и только увеличило бы безъ того большой обозъ. Таковъ мой взглядъ на дѣло“.

отправиться къ арміи. Ей было обѣщано, что она будетъ сопровождать Императора, когда онъ вернется къ арміи; когда же непріятель поспѣшно ретировался, то она съ мужемъ вернулась въ Тверь, откуда писала Императору: „я жду! я жду!“ Бѣдняжка, она не знала, чего она ждала, такъ какъ курьеръ, привезшій Георгу наконецъ разрѣшеніе отправиться въ Вильно, засталъ его уже больнымъ“.

Эти строки не требуютъ комментаріевъ.

Для характеристики отношеній, установившихся между супругою Александра I и его любимой сестрою, можно прибавить, что когда Великую Княгиню просили, въ 1812 г. стать во главѣ Тверского и Ярославскаго отдѣла патріотическаго общества, основаннаго Императрицей Елисаветой, то она, въ виду натянутыхъ отношеній, существовавшихъ между нею и Императрицей, колебалась принять это предложеніе ¹⁾. Между тѣмъ эти сомнѣнія были вызваны отнюдь не желаніемъ Великой Княгини уклониться отъ активной дѣятельности въ тяжелую годину отечественной войны; напротивъ, глубоко потрясенная и взволнованная событіями 1812 года, Екатерина Павловна скорбѣла о томъ, что она не могла принять въ нихъ непосредственнаго участія.

„Всего болѣе сожалѣю я въ своей жизни, говорила она, что не была мужчиной въ 1812 году“. Но она все-таки сумѣла найти путь, чтобы самостоятельно проявить свою дѣятельность и сдѣлать пріятное Императору. Ей первой пришла мысль о призывѣ къ ополченію.

„Я увѣрена, писала она князю В. П. Оболенскому, что не найдется ни одного русскаго, который бы опозорилъ себя стыдомъ не пожертвовать для отечества собою и своимъ рвеніемъ“ ²⁾.

Согласно плану всеобщаго ополченія, составленному Великой Княгиней, „дворянство должно было себя обязать кормить и содержать это войско во время всей войны“; она первая показала тому примѣръ и привела въ исполненіе свое намѣреніе, „внушенное, по ея выраженію, безпредѣльной ревностію къ пользамъ и славѣ дражайшаго отечества и живѣйшею любовью къ государю“ ³⁾, сформир-

¹⁾ „Что касается Патріотическаго Общества, почему бы Вамъ не сдѣлаться его членомъ!“ писалъ Императоръ въ томъ же письмѣ отъ 6-го декабря 1812 г.

²⁾ Журналъ Императорскаго русскаго военно-историческаго Общества 1910 г., кн. 2 С. А. Гулевичъ. Участіе Императорской фамиліи въ формированіи государственныхъ ополченій.

³⁾ Рескриптъ Великой Княгини на имя министра Удѣловъ, отъ 30 іюня 1812 года.

ровавъ въ Твери, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и непосредственнымъ указаніемъ, егерскій батальонъ, для чего съ опредѣленнаго ей въ удѣлъ имѣнія было собрано надлежащее число воиновъ, которые были вооружены и обмундированы на ея собственное иждивеніе и содержались на ея средства во все продолженіе войны, вплоть до расформированія батальона въ 1814 года.

Съ прекрасной стороны характеризуютъ Великую Княгиню ея письма къ Императору, писанныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, понесенной ею въ исходѣ 1812 года.

15 декабря скончался ея супругъ, герцогъ Георгъ Ольденбургскій: когда прошли первыя минуты жгучаго горя, первою ея мыслию была забота объ обезпеченіи его бывшихъ приближенныхъ и подчиненныхъ, и въ дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ судьбы. Въ представленномъ ею Императору спискѣ были перечислены всѣ его адъютанты и прочія должностныя лица; тутъ были: князь В. П. Оболенскій, Д. Н. Арсеньевъ, А. И. Бартоломей, Тимротъ, Нагель, Д. И. Языковъ, гр. С. О. Растопчинъ, Борнъ; и противъ каждой фамиліи были обозначены тѣ награды и назначенія, которыя Екатерина Павловна считала желательными дать имъ, и Императоръ Александръ, въ то трудное для него время (конецъ 1812 и начало 1813 г.г.), несмотря на множество заботъ и на физическое утомленіе, терпѣливо выслушивалъ всѣ эти просьбы и находилъ время отвѣчать подробно на ея ходатайства, не забывая ни одной мелочи. Такъ дорого было для него исполненіе самаго малѣйшаго ея желанія.

Съ небольшимъ два мѣсяца спустя послѣ кончины герцога, Екатерина Павловна отправилась по настоянію Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ заграничное путешествіе для поправленія своего здоровья, на воды въ Богемію.

Какъ сестрѣ Императора Александра, на котораго были обращены въ то время взоры всей Европы, Екатериинѣ Павловнѣ былъ оказанъ вездѣ самый предупредительный пріемъ.

„Начиная отъ Бродъ, мнѣ оказывалось повсемѣстно всевозможное вниманіе, писала Екатерина Павловна изъ Праги ¹⁾, несмотря на то, что я умоляла сохранить мое инкогнито и избавить меня отъ всяческихъ церемоній, но императоръ (австрійскій) такъ строго повелѣлъ оказывать мнѣ тѣ же почести, какъ ему, что войска вездѣ отдавали мнѣ честь, и меня привѣтствовали толпы народа. Всего интереснѣе то, что народъ и солдаты (хотя они были въ строю) кричали ура! ура! Александръ! Всѣ классы общества, начиная отъ простыхъ крестьянъ,

¹⁾ 16—28 апрѣля 1813 г.

и кончая эрцгерцогомъ Фердинандомъ, котораго я видѣла въ Брюннѣ, гдѣ онъ командуетъ войскомъ, твердятъ мнѣ и моей свитѣ, не будучи къ тому ничѣмъ вызваны съ моей стороны, что Императоръ Александръ спаситель Европы, что если ихъ Императоръ приказалъ бы имъ сражаться за французовъ, то генералы и офицеры тотчасъ вышли бы въ отставку, а солдаты дезертировали бы изъ рядовъ арміи. Генералы говорятъ, что они не смѣютъ не отдать мнѣ почестей, такъ какъ солдатамъ извѣстно, что я сестра русскаго Императора“.

Настроеніе, преобладавшее въ Австріи въ то время, какъ Великая Княгиня прибыла въ австрійскія владѣнія, было чрезвычайно благопріятно для Россіи; австрійское правительство круто перемѣнило свое отношеніе къ Наполеону, стало уклоняться отъ союза съ нимъ и рѣшило принять на себя роль посредника для возстановленія общаго мира.

Со стороны правительства была сдѣлана попытка зондировать почву и разузнать у Великой Княгини о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Александра I.

Въ письмѣ изъ Праги отъ 8 мая 1813 года, Екатерина Павловна передаетъ брату интересный разговоръ, который она имѣла съ однимъ изъ мѣстныхъ сановниковъ, испросившимъ съ этой цѣлью у нея аудіенцію.

„Могу Васъ увѣрить, сказалъ онъ, что въ Вѣнѣ твердо рѣшено дѣйствовать совмѣстно съ Россіей, хотя бы она и проиграла одно или два сраженія ¹⁾: собственно говоря, это рѣшеніе принято въ расчетъ именно на это обстоятельство. Боятся лишь одного: чтобы въ случаѣ этого несчастья русскій Императоръ не измѣнилъ своего плана и не принялъ иного рѣшенія“. Я отвѣчала: „Мнѣ кажется, что никакія сомнѣнія въ твердой рѣшимости Императора Александра недопустимы; онъ заявилъ, что онъ дѣйствуетъ отнынѣ не только въ интересахъ своего личнаго дѣла, но и въ интересахъ Европы, и что всѣ государства должны содѣйствовать сверженію французскаго ига, которое дастъ себя почувствовать всѣмъ державамъ, ежели ему подпадетъ одно изъ сосѣднихъ государствъ. Фактическимъ доказательствомъ этого служатъ подкрѣпленія, которыя прибыли къ намъ, и тѣ, которыхъ мы ожидаемъ, а равно и формирующіяся ополченія; это говорятъ о предусмотрительности Императора и о намѣреніи пополнить заблаговременно могущія быть потери. А

¹⁾ Разговоръ происходилъ двѣ недѣли спустя послѣ неудачнаго для союзныхъ войскъ Люценскаго сраженія и почти наканунѣ сраженія подъ Бауценомъ.

вотъ доказательства нравственнаго порядка: Москва, древняя столица, самое драгоцѣнное изъ нашихъ владѣній, была занята непріателемъ, такъ же какъ и нѣкоторыя другія наши губерніи; поколебало ли это твердость Императора? Нѣтъ! онъ былъ убѣжденъ, что цѣль можетъ быть достигнута и спокойствіе можетъ быть восстановлено только при настойчивости и упорствѣ“.

„Если Вы утверждаете это, то можете быть увѣрены и въ твердости нашего Императора“, сказалъ сановникъ.

Недѣлю спустя послѣ этого письма, послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Бауценомъ, Великая Княгиня писала брату ¹⁾: „По старой привычкѣ я считаю нужнымъ сообщить Вамъ все то, что клонится, по моему мнѣнію, къ Вашему благу. Во-первыхъ, сраженіе подъ Бауценомъ покрыло Васъ, лично, славою; здѣсь всѣ признаютъ, что Вы могли бы идти впередъ, а не отступать, и если Вы этого не сдѣлали, то это объясняютъ самоотреченіемъ, желаніемъ отречься отъ личной славы; всѣ благомыслящіе люди говорятъ, что если бы Вы были на Одерѣ, то это было бы полезнѣе для дѣла. Какъ видите, здѣсь склонны все объяснить въ хорошую сторону“. Вчера, бургграфъ просилъ позволенія посѣтить меня, чтобы сообщить мнѣ добрыя вѣсти, полученныя имъ изъ Дрездена, о томъ, что Вы будто бы вернулись, одержавъ подъ Бауценомъ побѣду; это между прочимъ; главное—онъ хотѣлъ поговорить со мною о другомъ. Черезъ Прагу проѣхалъ на-дняхъ Монтескье и рассказывалъ чудеса о сраженіи, которое они называютъ великой побѣдой. Черезъ Вѣну проѣзжали ежедневно два-три французскихъ курьера; одинъ изъ нихъ отправился въ Константинополь, другіе въ Мюнхенъ, откуда получено извѣстіе о томъ, что сраженіе произвело сенсацію; видите, они ничѣмъ не стѣсняются, и такъ какъ они посылаютъ курьерами военныхъ, которые говорятъ много и со знаніемъ дѣла, то можно опасаться, что у нихъ найдутся прозелиты. Вотъ это и было именно то, о чемъ бургграфъ хотѣлъ поговорить со мною. Онъ горюетъ о томъ, что изъ нашей главной квартиры не было послано ни души; онъ говоритъ очень разумно, что Стадіонъ не болѣе какъ дипломатъ, что онъ читалъ всѣ депеши, которыя тотъ посылалъ въ Вѣну, и что онѣ никакъ не могли служить противовѣсомъ тому впечатлѣнію, какое производитъ болтовня французовъ. Онъ горячо желаетъ, чтобы Вы дѣйствовали въ томъ же духѣ и послали кого-нибудь, кто бы могъ сообщить всѣ подробности и передать ихъ съ знаніемъ дѣла. Онъ сказалъ мнѣ еще одну вещь, которая требуетъ обсуждения, а именно: по ихъ свѣдѣніямъ французы получаютъ мало подкрѣпленій. „Если

¹⁾ Изъ Праги 14 (26) мая 1813.

русская армія въ состояніи продолжать войну еще два мѣсяца, сказалъ онъ, будьте увѣрены, что Наполеонъ будетъ окончательно разбитъ и не сможетъ оправиться, хотя бы онъ даже не проигралъ большого сраженія. Его армія разрушается, его средства истощены; у насъ уже есть, по точному подсчету, болѣе трехъ тысячъ дезертировъ; въ томъ числѣ довольно много французовъ, не считая тѣхъ, кои блуждаютъ по нашимъ горамъ и лѣсамъ, занимаясь грабежомъ“.

Вскорѣ послѣ Бауценскаго сраженія было заключено, какъ извѣстно, на шесть недѣль военное перемиріе; Императоръ Александръ воспользовался имъ, чтобы съѣздить на нѣсколько дней въ Опочну, въ сѣверной Богеміи, для свиданія съ Великой Княгиней Екатериной Павловной. Туда же пріѣхалъ Меттернихъ для переговоровъ съ Государемъ.

Для союзниковъ было въ то время очень важно заручиться содѣйствіемъ Австріи; отъ этого зависѣлъ исходъ войны; понятно, что Императоръ готовъ былъ сдѣлать все возможное, чтобы отвлечь ее отъ союза съ Франціей.

Екатерина Павловна была посвящена въ эти планы, и вотъ что писалъ ей Александръ, 20 іюля 1813 г. изъ замка, Петерсвальдау, гдѣ онъ временно поселился.

„Я очень сожалѣю о томъ, что вы еще не сообщили мнѣ ничего о Меттернихѣ и о томъ, что нужно сдѣлать, чтобы онъ былъ вполнѣ на нашей сторонѣ; у меня имѣются необходимыя деньги, поэтому не экономьте. Возвращаю вамъ 1.700 дукатовъ и разрѣшаю вамъ продолжать вашу тактику—самую надежную изъ всѣхъ—тамъ, гдѣ это понадобится“.

Вѣсть о взятіи Парижа застала Великую Княгиню въ Лондонѣ, куда она прибыла, совершивъ продолжительное путешествіе по Европѣ и гдѣ должна была свидѣться съ Императоромъ Александромъ.

„Я узнала объ этомъ событіи у принцессы Шарлотты, писала Екатерина Павловна брату. Вернувшись домой, я застала у нея посланнаго изъ министерства съ подробностями, касающимися этого событія; первыя слова, сказанныя имъ, были похвала Вамъ. На слѣдующій день я поѣхала осмотрѣть банкъ, собралась несмѣтная толпа народа, всѣ кричали ура и рукоплескали въ честь Императора Александра“.

„Быть Вашей сестрою здѣсь лучшая рекомендація“.

Тщеславію молодой женщины льстило быть центромъ восторженныхъ привѣтствій, которыя относились къ горячо любимому ею брату; неудивительно, что у нея вскружилась голова, и что подъ этимъ впечатлѣніемъ она сдѣлала во время своего пребыванія въ

Лондонъ рядъ промаховъ, вслѣдствіе которыхъ цѣль путешествіи Императора Александра въ Лондонъ въ политическомъ отношеніи не была достигнута ¹⁾).

Перемена, происшедшая въ настроеніи Императора Александра послѣ его побѣдоноснаго шествія по Европѣ, совершенно не отразилась на его отношеніи къ сестрѣ; оно осталось такое же довѣрчивое и любовное. Екатерина Павловна была посвящена въ происшедшій въ его душѣ переворотъ и сочувствовала его мистическому настроенію; это доказываютъ не только ихъ письма за 1814—1817 гг., но и разные документы, найденные въ бумагахъ Великой Княгини. Въ нихъ оказались разсужденія „О мистической словесности“, справки о сочиненіяхъ Теозофа Бёма, Сведенберга, Сень-Мертена, Штилинга и др.

Это показываетъ, что Екатерина Павловна интересовалась мистическими вопросами, которыми увлекался въ ту пору Александръ I. Вообще, какъ показываетъ ихъ переписка, Великая Княгиня всегда живо и „дѣятельно“ откликалась на все то, что занимало въ данный моментъ ея августѣйшаго брата, будь то вопросы политики, или религіозныя исканія, или чисто личные переживанія; въ этомъ кроется тайна ея глубокаго вліянія на него; этимъ она такъ привязала его къ себѣ, что несмотря на огромную перемену, происшедшую въ его взглядахъ и настроеніи послѣ Отечественной войны, онъ продолжалъ по-прежнему переписываться съ нею и неизмѣнно искалъ съ нею духовнаго общенія.

Относящееся къ этому періоду письмо, адресованное Екатеринѣ Павловнѣ 20 мая (3 іюня) 1815 года изъ мѣстечка Луизбурга, показываетъ, какъ интимна была та область, въ которую Александръ допускалъ свою сестру. Въ этомъ письмѣ онъ подробно пишетъ о недоразумѣніяхъ съ какой-то „Virginie“ и прилагаетъ письмо этой Virginie, „котораго, къ сожалѣнію, въ архивныхъ бумагахъ не оказалось, а оно бы дало ключъ къ загадкѣ, кто именно была эта особа“.

„Быть можетъ, Вы получите это письмо, пока Вы будете въ С.-Пѣлтенѣ съ Virginie, пишетъ Александръ. Будете ли Вы съ нею хоть минуту однѣ, будете ли Вы имѣть возможность высказать ей мои сѣтованія,—увы! Какое право имѣю я жаловаться, но горе мое велико! Судя потому, что она говорила Marie ²⁾, она въ восторгѣ, что я уѣхалъ; слѣдовательно, мои догадки оправдались. Я часто думаю, что я долженъ быть ей въ тягость, что она будетъ въ восторгѣ отдѣлаться отъ меня: я не ошибся! Помните, когда мы ѣхали

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

²⁾ Великая Княгиня Марія Павловна.

въ каретѣ, Marie обѣщала мнѣ сказать ей о моей женѣ истинную правду, такъ, какъ это сдѣлали Вы: вмѣсто этого, когда Virginie сама коснулась этого вопроса, Marie отвѣчала, что она ничего не можетъ сказать ей по этому поводу. Прочтите внимательно ея письмо и скажите мнѣ, могу ли я не быть до глубины души огорченнымъ его содержаніемъ; я отмѣтилъ карандашемъ тѣ мѣста, которыя наиболѣе поразили меня. Обо мнѣ говорятъ какъ о виновномъ; и этотъ ангелъ, Virginie, защищаетъ меня и сказала, что она не можетъ обвинять меня ни за мои слова, ни за поступки. Наконецъ, Marie какъ бы извиняется въ томъ, что она приняла насъ у себя, между тѣмъ она не разъ, въ вашемъ присутствіи, предлагала мнѣ пригласить Virginie, когда я этого захочу. Къ чему все это дѣлается? Я этого не понимаю и никогда не пойму. Вы своимъ чуткимъ сердцемъ поймете меня, другъ мой, и поймете, какъ я страдаю: выразить это словами невозможно. Меня также весьма огорчаетъ то, что Virginie какъ будто упрекаетъ себя въ томъ, что она поощряла мою привязанность, между тѣмъ какъ она дѣлала все возможное, чтобы отвлечь меня отъ этого или, по крайней мѣрѣ, старалась убѣдить меня въ томъ, что это ей совершенно безразлично“.

„Скажите Virginie, что моя привязанность къ ней будетъ вѣчная, что какъ бы ни смотрѣть на нее, она такъ чиста, и есть такая дань восторга моей души ея душѣ, что ее нельзя исказить“.

Въ предисловіи къ „Перепискѣ Императора Александра съ Великой Княгиней Екатериной Павловной“ говорится по поводу этого письма, что изъ сопоставленія дать можно вывести заключеніе, будто „личность, которую Императоръ называетъ въ своихъ письмахъ Virginie, была никто иная, какъ баронесса Криденеръ. Но этому противорѣчитъ содержаніе письма Императора Александра къ фрейлинѣ Р. С. Стурдза, въ которомъ онъ описываетъ свое *первое* свиданіе съ баронессой Криденеръ, происшедшее въ Гейльброннѣ 4/16 іюня 1815 года.

Въ Гейльброннѣ, гдѣ находилась главная квартира русскихъ войскъ, Императоръ прибылъ утомленный всѣмъ пережитымъ во время борьбы съ Наполеономъ, взволнованный извѣстіемъ объ его исчезновеніи съ острова Эльбы, о бѣгствѣ французскаго короля и водвореніи Наполеона на императорскомъ престолѣ. „Онъ жаждалъ уединенія и покоя“.

„Наконецъ я вздохнулъ свободно“, писалъ онъ фрейлинѣ Стурдза— „и первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая была всегда со мною¹⁾, но отуманенный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго, и я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣ-

¹⁾ Библия.

шеніемъ было для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о Васѣ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Криденеръ, а также о желаніи, высказанномъ мною Вамъ, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Никогда! не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь "... и князь Волконскій доложилъ Государю, что какая-то особа настойчиво требуетъ свиданія съ нимъ. Это оказалась г-жа Криденеръ. „Ея появленіе оказалось для меня благодѣтельнымъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство“.

Изъ этихъ строкъ ясно, что Александръ видѣлъ тутъ г-жу Криденеръ *впервые*; до этого онъ *никогда* не видалъ ее, хотя много слышалъ объ ней отъ Р. С. Стурдза и думалъ объ ней. И такъ Государь *видѣлъ* ее *впервые* 4/16 іюня; между тѣмъ въ письмѣ къ Екатеринѣ Павловнѣ, писанномъ десять дней ранѣе этого перваго свиданія, онъ говоритъ о *Virginie*, какъ о личности, съ которой онъ ранѣе встрѣчался и бесѣдовалъ. „*Marie* какъ будто извиняется въ томъ, пишетъ онъ, что она приняла насъ у себя“ и еще: „она (*Virginie*) въ восторгѣ, что я уѣхалъ“.

Очевидно, *Virginie* была какая-то другая личность, сумѣвшая заинтересовать Императора и произвести на него сильное впечатлѣніе. „*Virginie* знаетъ, говоритъ Александръ въ томъ же письмѣ, что я никогда отъ нея ничего не требовалъ; такъ какой же она имѣетъ поводъ сердиться на меня?“

Не подлежитъ сомнѣнію, что тутъ идетъ рѣчь о *бывшемъ* знакомствѣ, о неоднократно бывшихъ свиданіяхъ, и слѣдовательно подъ именемъ *Virginie* не могла скрываться г-жа Криденеръ, впервые явившаяся къ нему ночью 4/16 іюня“.

Екатерина Павловна также познакомилась съ г-жею Криденеръ, но она почти не упоминаетъ объ ней въ своихъ письмахъ. Въ то время Великая Княгиня была всецѣло поглощена мыслию о своемъ бракѣ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, съ которымъ она познакомилась въ Лондонѣ, куда онъ прибылъ изъ Парижа въ свитѣ Императора Александра.

Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна была противъ этого брака, въ виду того, что принцъ, женатый на принцессѣ Шарлоттѣ Баварской, только что передъ тѣмъ развелся съ женою, и его разводъ ставили въ связь съ его сватовствомъ къ Екатеринѣ Павловнѣ; это очень печалило Государыню, и она долго не давала своего согласія на бракъ дочери; Великой Княгинѣ пришлось прибѣгнуть къ посредничеству Императора, чтобы повліять на мать.

„Король (Виртембергскій) настоятельно просить меня сообщить ему Ваше рѣшеніе по поводу того, когда и гдѣ совершится мое бракосочетаніе, писала Екатерина Павловна Александру въ іюнѣ 1815 г. Вотъ уже два мѣсяца, какъ мнѣ приходится давать ему все одинъ и тотъ же отвѣтъ. Изъ Вашего письма я вижу, что, понявъ причины, заставляющія меня желать, чтобы бракъ былъ заключенъ какъ можно скорѣе и при томъ *въ* Петербурга, Вы хотѣли написать объ этомъ матушкѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣла отъ Васъ никакихъ извѣстій и нахожусь въ полной неизвѣстности“...

„Я получила письмо отъ принца; онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ спрашивалъ Васъ, когда ему будетъ дозволено пріѣхать въ Россію. Вы отвѣтили ему, что это будетъ зависѣть отъ окончанія дѣла принцессы Шарлотты Баварской. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ королемъ, дѣло это почти окончено; не останавливаясь на этомъ, я считаю себя въ правѣ напомнить Вамъ, что въ Гейдельбергѣ и въ Вѣнѣ Вы не ставили этого условія, которое не можетъ служить препятствіемъ, такъ какъ принцъ по всѣмъ гражданскимъ и церковнымъ законамъ уже цѣлый годъ имѣетъ право вступить въ бракъ; только принцесса еще не получила этого права“.

Послѣ усиленной и продолжительной борьбы, Екатерины Павловны удалось уговорить мать дать свое согласіе на ея вторичный бракъ. Какъ ни тягостно ей было вѣнчаться въ Петербургѣ¹⁾, но она должна была подчиниться желанію матери, и ея бракосочетаніе съ принцемъ Виртембергскимъ совершилось въ Петербургѣ, съ большимъ блескомъ 12 января 1816 года, послѣ чего она уѣхала въ Штутгартъ.

За 1816 годъ и вплоть до кончины Великой Княгини, послѣдовавшей три года спустя, 28 декабря 1818 года, писемъ ея не сохранилось.

Безвременная кончина Екатерины Павловны глубоко потрясла государя. Она была для него другомъ, она прекрасно понимала его, она не стѣснялась говорить ему правду, какъ она ее понимала, и указывать ему на сдѣланныя имъ ошибки. Она горевала вмѣстѣ съ нимъ въ тяжелую годину Отечественной войны, поддерживала въ немъ бодрость духа, вліяла на его рѣшенія, хотя быть можетъ и не всегда удачно, дѣлила съ нимъ радость по поводу его послѣдующихъ блестящихъ успѣховъ, сообщала ему свои наблюденія и свои бесѣды съ государственными людьми, знакомила его съ состояніемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи и за границей—словомъ, была для него дѣятельнымъ и незамѣнимымъ другомъ. Чтобы удержать въ теченіе столькихъ лѣтъ привязанность брата и неизмѣнно пользоваться его

¹⁾ „Въ Петербургѣ все мнѣ тягостно, писала Екатерина Павловна, но да будетъ воля Господня“.

полной откровенностью, нужно было обладать выдающимися качествами ума и сердца. Письма и записочки Великой Княгини къ брату, искрившіяся умомъ и весельемъ, полныя внутренняго содержанія, удивительно дружескія и ласковыя по формѣ, объясняютъ то обаятельное впечатлѣніе, какое она производила на него и по отзыву современниковъ, вообще, на всѣхъ людей, приходившихъ съ нею въ соприкосновеніе.

Воспитанная подъ руководствомъ матери, какъ и прочія ея сестры, она получила разностороннее образованіе, хорошо говорила и писала по-русски, что было рѣдкостью для высшаго общества конца 18 вѣка въ Россіи, знала прекрасно не только французскій и нѣмецкій языки, но и англійскій. Несмотря на всеобъемлющую власть и вліяніе матери, она сохранила большую долю самостоятельности, особенно сказавшуюся, когда она стала замужней женщиной.

Это была натура богато одаренная, въ которой умъ преобладалъ надъ всѣми силами души, но онъ сочетался въ ней съ любящимъ, отзывчивымъ сердцемъ и съ особымъ умѣніемъ облечь все, что она говорила, въ такія ласковыя формы, которыя плѣняли окружающихъ.

Эта ласковость и умѣнье отозваться на переживанія брата, умѣние понять ихъ, къ какой бы области они ни относились, были тѣмъ секретомъ, благодаря которому Великая Княгиня съумѣла не только приобрести, но удержать его привязанность до конца жизни, при томъ въ эпоху столь богатую событіями, встрѣчами и внутренними переживаніями.

Нѣсколько коротенькихъ выдержекъ изъ болѣе интимныхъ записочекъ Александра I къ сестрѣ, относящихся по большей части къ 1805 году, когда Екатеринѣ Павловнѣ было всего 16 лѣтъ, и нѣжныя прозвища, которыя онъ даетъ ей (Bisiam, Biskis, Bissiamowna), говорятъ о томъ, какое обаяніе она производила на него своей личностью; по этимъ и по нѣкоторымъ другимъ еще болѣе восторженнымъ изліяніямъ можно думать, что, не будь она его сестрою, онъ страстно увлекся бы ею какъ женщиной и что его горячее чувство къ ней граничило съ влюбленностью:

„Вы всецѣло завладѣли мной, я безъ ума отъ Васъ... если Вы шальная, за то самая прелестная, какая когда-либо существовала... я Васъ обожаю“, пишетъ Александръ 19 сентября 1805 г., и на другой день, въ коротенькомъ письмецѣ, добавляетъ: „Выкните изъ головы; что отвѣчать Вамъ затруднительно для меня; когда у меня есть свободная минутка, это для меня истинное удовольствіе, ибо мало что на свѣтѣ я люблю такъ, какъ мою Бизіамъ... прощайте, очарованіе моихъ глазъ, идолъ моего сердца“.

Двѣ недѣли спустя, 2 октября 1805 г. государь пишетъ изъ

Пулавъ: „что подѣлываетъ дорогой носикъ, который я съ такимъ наслажденіемъ приглаживалъ и цѣловалъ? я боюсь, чтобы онъ не сдѣлался жесткимъ за ту вѣчность, на которую мы разлучены. Меня беретъ искушеніе пріѣхать курьеромъ, поцѣловать Васъ и затѣмъ вернуться на свой постъ“. Еще черезъ четыре дня, 6 октября 1805 г.: „знать, что Вы любите меня, необходимо для моего счастья, ибо Вы одно изъ самыхъ прелестныхъ созданій, какія только существуютъ на свѣтѣ“.

Эти чувства не ослабѣли и много лѣтъ спустя, когда Екатерина Павловна была уже замужемъ за принцемъ Георгомъ Ольденбургомъ и жила вдали отъ брата, въ Твери.

22 ноября 1809 г. онъ пишетъ ей: „Вскорѣ я надѣюсь, однако, располагать собой, и упаду къ Вамъ въ Тверь, какъ бомба. Одна мысль объ этомъ кружить мнѣ голову“. Въ мартѣ 1810 г. онъ пишетъ еще: „Я всегда зналъ, что сильно люблю Васъ, но только съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я чувствую цѣну этого“. Въ апрѣлѣ 1811 г. онъ говорилъ: „пора уже, побранивъ Васъ, сказать Вамъ, что я люблю Васъ, какъ безумный, хотя Вы, Вы—сумасбродка, но я, какъ сумасшедшій, радуюсь тому, что я Васъ увижу“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 21 ноября 1811 г., онъ горевалъ о томъ, что онъ не могъ, какъ ему хотѣлось, пріѣхать въ Тверь, въ виду того, что у него множество было дѣлъ.

Тому подобныя ласковыя, нѣжныя, почти страстныя изліянія встрѣчаются во многихъ письмахъ, не упомянуть о нихъ нельзя, ибо они слишкомъ характерны для отношеній Александра къ Екатеринѣ Павловнѣ и объясняютъ отчасти горячія чувства къ ней Императора, которыя такъ много лѣтъ оставались неизмѣнны.

Грустнымъ аккордомъ къ ихъ перепискѣ звучатъ заключительныя слова одного изъ писемъ Александра, писаннаго 16—28 января 1817 г., всего за годъ до кончины Великой Княгини.

„Вы спрашиваете, дорогой другъ, что я *подѣлываю*? Все то же, т. е. привыкаю все болѣе и болѣе покоряться велѣніямъ судьбы и даже нахожу уже извѣстное удовлетвореніе въ томъ полномъ одиночествѣ, въ какомъ я нахожусь. Все остальное *совершенно въ томъ же положеніи*, какъ было при Васъ“.

Съ кончиною Екатерины Павловны Императоръ сталъ еще болѣе одинокъ, потерявъ въ ней своего лучшаго, самаго искренняго и преданнаго ему друга.

В. Тимошукъ.

